

· ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ·

Поезд дёрнул в тот самый момент, когда Роман опустил свой пухлый, перетянутый ремнями чемодан на мокрый перрон. Короткий свисток заставил его оглянуться. Зелёные, забрызганные дождём вагоны тронулись со скрипом, усатый проводник, стоящий в проёме двери, помахал рукой:

— Зонтик-то раскройте, а то промокнете!

— Мерси! — ответно махнул ему Роман и стал раскрывать большой чёрный китайский зонт с ручкой в форме драконьей головы.

Кругом было всё мокро — узкий деревянный перрон, перила, скамейка, голые, прямые, словно шпаги, ветви тополей с набухшими почками. Набирающий ход поезд снова засвистел, хлопнула железная дверь, замелькали зашторенные окна.

Роман подошёл к перилам, положил руку, затянутую в серую замшевую перчатку, на крашеное облупившееся дерево.

Тёплый дождь, первый дождь в этом году, мелким бисером сыпался на зонт, слабые порывы ветра качали тополя, несли водяную пыль.

За перилами лежало просторное, запаханное с осени поле со следами снега, почти уже сошедшего. Дальше было мелколесье — прозрачное, синеватое, растворяющееся в белёсом утреннем воздухе.

Вокруг не было ни души.

“Значит, не встретил никто, — весело подумал Роман. — Ну и прекрасно! Пойду через лес. Напрямик здесь три версты, это чудное путешествие”.

Сунув руку в карман своего светло-серого пальто, он достал часы. Было четверть восьмого.

— А уже вовсю светло, — проговорил Роман вслух, подхватил чемодан и бодро зашагал к концу перрона, небрежно прикрывшись зонтиком, подставив своё молодое красивое лицо свежему апрельскому воздуху.

Роман был красив той красотой, которая встречается обычно у скандинавов, а в России именуется “немецкой”. Его высокая, худощавая, слегка сутулая фигура с не очень широкими плечами всегда бросалась в глаза из-за чересчур размашистой и быстрой походки, выдающей характер искренний и порывистый. Белокурые волосы, выбивающиеся из-под светло-серой, как и пальто, шляпы, были мягки, волнисты. Черты лица отличались правильностью, если не считать некоторой тяжеловатости подбородка и тонкости губ, в то же время имевших неуловимое детское выражение полуулыбки, несоответствующее глубокому взгляду больших серо-голубых глаз. В свои тридцать два года Роман носил небольшие светлые, всегда аккуратно подстриженные усы и такие же небольшие бакенбарды.

Перрон быстро кончился деревянными ступеньками, и обутые в неглубокие калоши ботинки Романа пошли по мокрой, совсем недавно избавившейся от снега земле. Она была мягкой, словно губка, и испуганно прогибалась под тяжестью этого молодого, полного

сил человека. Но не успел Роман пройти и десятка шагов, как справа из-за небольшого пристанционного сарая выехала телега, запряжённая каурой широкогрудой лошастью, ведомой под уздцы таким же широким, коренастым, чернобородым мужиком, узнать которого Роман смог бы и за версту.

От неожиданности он остановился, а чернобородый, лукаво скаля белые крепкие зубы, одной рукой ведя чавкающую копытами лошадь, другой, прихватив кнут, приподнял мокрый лисий треух:

— Здравия желаем, Роман Лексеич!

— Аким... — только и проговорил Роман, опуская зонтик, а через мгновение уже тряс крепкую смуглую руку Акима. — Аким! А я уж думал, никто не встретит!

— Ну как можно, Роман Лексеич. Мне ж Лидия Константиновна ещё завчера сказала...

— Спасибо тебе огромное! Как рад тебя видеть! — Роман не выпускал руки Акима. — Борода-то, борода-то всё такая!

— А чего ей будет-то, бороде! — ещё шире оскалился Аким. — А вы вот сильно переменились. Сильно...

— Неужели? За три года!

— Сильно! — с непоколебимой уверенностью тряхнул чёрными с проседью кудрями Аким. — Я сразу никак не признал.

— Серьёзно? — усмехнулся Роман.

— Точно! Поглядел было — кто это идёт? Думаю, что ж это за хранцузский посланник сюды заехал?

Они расхохотались так громко, что лошадь вздрогнула, испуганно тряхнув мокрой гривой, попятилась в сторону.

— Балуй, балуй у меня! — поддёрнул её Аким, потянулся к чемодану, но Роман уклонился.

— Не беспокойся, я сам.

Только сейчас он заметил, что перед ним была во-

все не телега, а двухколёсные дрожки с протёртым кожаным сиденьем и красной расписной спинкой.

Роман заложил чемодан за спинку, а Аким принялся быстро крепить его пеньковой веревкой.

— Что ж ты за сараем прятался? — спросил Роман.

— Так ведь вот из-за этой твари, прости господи! — Аким кивнул на лошадь.

— А что такое?

— Да не переносит она всякую машину, хоть убей! Как поезд идёт — держи крепче, не то всю амуницию разнесёт к лешему!

— Так она вроде и не молода.

— В том-то и дело! Третий год дубине, а всё с таким диким манером. Вона и щас — как свисток дали, дёргает, будто черт её седлает, ей-богу. Такая, прости господи, староверка.

Он затянул верёвку узлом, прикрыл чемодан прибитой к спинке рогожей и, сняв треух, вытер ладонью мокрый лоб:

— Ну, славу Богу, Роман Алексеич, что добрались до наших захолустьев. А то я уж ожидаючи грешным делом такое напередумал... — Он махнул рукой и выразительно кивнул в сторону железной дороги. — Я, отец мой, в эту технику тоже не шибко верю...

— Ну, это ты зря! — усмехнулся Роман, с облегчением кладя ему руку на плечо. — Техника — наше будущее.

— Да оно, может, и так, — недоверчиво пробормотал Аким, разбирая мокрые вожжи, — а всё-таки кобылка-то никогда не подведёт. Это не железака какая-то.

— Кобылка, Аким Петрович, сдохнуть может! — Улыбаясь и прикрываясь зонтом, Роман влез на сиденье.

— Ну так корми лучшей, и не сдохнет! — засмеялся Аким, проворно вскакивая на сиденье. — А ну-ка, девка, поехали!

Он чмокнул, замахнулся коротким кнутовищем,

но не ударил, так как лошадь, несмотря на вязкую землю и перечисленные недостатки, легко взяла с места резвой рысью. Дрожки покатались, разбрасывая грязь. Аким правил не на широкий разбитый большак, а на чуть приметную окружную дорогу, тянущуюся по краю поля и исчезающую в мелколесье.

Роман жадно всматривался в окрестности. Здесь всё было на своих местах — поля, лесок, сломанная липа, серые валуны, разлѣгшиеся вдоль дороги. Но какая-то печать тревоги и бессилия лежала на всѣм знакомом, много раз виденном, — то ли потому что весною Роман никогда раньше не приезжал в Крутой Яр, то ли из-за почти бессонной ночи всё казалось таким жалким, родным, до боли маленьким; кусты, деревья были голы, в них стоял лёгкий туман, они тянули свои мокрые ветви к серому, слепящему дождѣм небу, словно молили о пощаде и милости. Да и поле — широкое, уходящее левым краем в туманную даль, не было сейчас тем самым ПОЛЕМ, по искристому снежному савану которого, визжа мѣрзлыми полозьями, гнали, бывало, Акимовы санки; или летом, жарким июльским летом встречало оно Романа, раскинувшись ковром цветущей гречихи: в розовом, пахнущем мѣдом воздухе кружили мириады пчѣл, ветер гулял по полю, заставляя ходить волнами, колокольчик под синей, обвитой лентами дугой тонко звенел, серый в яблоках рысак Нила Тимофеича нёсся, оставляя за коляской шлейф пыли... Роман вздохнул, придерживая зонт, достал серебряный портсигар с вензелем АВ.

Он давно уже отметил это необычное свойство русской природы — терять ранней весной своё величие, съживаясь, застывая в жалкой немоте под мелким дождичком. До чего жалок и нем русский лес ранней весной! Стоят богатыри-дубы, вековые дуплистые

липы, белоствольные берёзы, стройные ясени и осины, словно слуги, брошенные своим господином на произвол судьбы, стоят с понурой покорностью, распростав голые ветви, будто ожидая неминуемой смерти на этой мокрой безжизненной земле, облепленной прошлогодними листьями. Всё мертво кругом — и кусты, и болото, и поля, всё одинакового серо-бурого цвета. Только что сошёл снег. Ветер гонит облака по бледному небу. Пролетит с тоскливым криком ворона, едва не задев тяжёлыми крыльями голых макушек, и снова тишина. Стоит лес, ждёт чуда — воскресения своего.

“Совсем как люди”, — подумал Роман, закуривая.

Проехав мелколесье, они въехали в молодой смешанный лес. Держа вожжи, Аким покосился на Романа, с грустной улыбкой оглядывающего окрестности:

— Что-то вы загрустили, Роман Алексеич. Не нравится наша-то глухомань опосля столицы?

— Да что ты вздор говоришь... — поморщился Роман. — Мне, может, столица меньше твоего нравится.

И добавил, глубоко затянувшись папиросой:

— Самая грустная пора в природе. Экая мертвенность... Неправ был Пушкин насчёт осени. Унылая пора. Нет. Вот — унылая пора...

Он кивнул на проплывающий мимо лес. Лошадь бежала всё той же неспешной рысью, постёгивая себя мокрым хвостом.

— А места наши, Аким Петрович, я ни на какие столицы не променяю, — уверенно добавил Роман, хлопнув Акима по колену. — На этих вот полях, берёзах, на таких мужиках, как ты, все столицы и держатся!

Усмехаясь в бороду, Аким качнул головой:

— Ну уж, прямо на таких, как я...

— Именно, именно, дорогой.

Тот снова недоверчиво усмехнулся:

— Вам, стало быть, видней. Вы человек учёный, науки знаете. А вот насчёт местов наших — святая правда! Других таких нету. И по земле, и по лесу. И опять же — река, запруда, рыбка разная. А луга какие! Вот за Семёновой делянкой — коси день, не сподкнёсси. Гладкота какая. А Рогаткин луг! А Кострюков! — Он зацокал языком. — Как еду, бывалоча, заглядюся!

— Ты по-прежнему в объездчиках?

— А куда ж я денусь? Такое уж ремесло моё.

— Жена не бранится, что дома не бываешь?

— Да чего ей браниться... Тпру! Куды тебя лихоманка несёт!

Зачмокав губами и натягивая вожжи, он выровнял лошадь, норовящую свернуть на пересёкшийся большак.

— А что, Аким, Нил Тимофеич всё так же лесничествует? — рассеянно спросил Роман, с жадным любопытством осматриваясь по сторонам.

— Прошлом годе преставился, царствие небесное, — проговорил Аким.

— Ей-богу?

— На Троицу. От удару. Сердце, стало быть, не выдержало.

— Жаль. Хороший человек был...

— Хороший.

— Охоту любил, как никто.

— Святая правда. Без ружья и собаки в лес не ходил. Большой знаток был в охотничьих искусствах.

Аким удовлетворённо вздохнул, довольный произнесённой им фразой.

— А кто теперь лесничий?

— Новый. Адам Ильич Куницын.

— Откуда?

— С Чернигова.

— Дельный человек?

— Ничаво, — без особого энтузиазма ответил Аким. — Порядок любит. Чтоб без воровства опять же. Рыбку ловить уважает. Говорят, раньше большим военным был, да что-то там проштрафился и теперь у нас царствует.

— А лет ему сколько? — спросил было Роман, но, чувствуя, что биография нового лесничего ничуть его не интересует, тут же перебил: — Слушай, Аким Петрович, что, Красновские приезжали летом?

— Красновские... — наморщился Аким, отчего лицо его стало непривычно угрюмым. — Да, приезжали. Как же. Надежда Георгиевна, Пётр Игнатьич. Зоя Петровна опять же.

— Она замужем? — быстро спросил Роман, бросая недокуренную папиросу.

Аким пожал плечами:

— А почём я знаю? Может, и замужем.

— Серёжка приезжал с ними?

— Сергей Петрович? Как же. Приезжал. Они тут каждое лето бывают.

— Всё такой же шалопай?

— А что ему делается.

Роман хотел было ещё о ком-нибудь спросить Акима, но в это время лес неожиданно расступился, открывши прекрасную, подлинно живописную панораму.

Она всегда, во все приезды Романа заставляла его врасплох, появляясь неожиданно, как и положено всему чудесному, поражая и радуя до слёз, заставляя каждый раз замирать.

Аким знал об этом и, не ожидая просьбы, натянул вожжи.

Дрожки остановились.

Чудный вид открывался впереди, дорога тянулась дальше и стремительно шла вниз, под уклон, как и всё огромное поле, окаймлённое по краям синей по-

лоской леса. А внизу, в утренней прохладной дымке по берегам извившейся неширокой лентой реки, лежал Крутой Яр.

Дождь перестал, и, несмотря на лёгкий туман, отсюда с пригорка были хорошо видны дома, сараи, бани, изгороди, ивы, склонившие голые ветви к реке, “журавли”, нависшие над колодцами, мостики, огороды с пугалами.

А над всем этим, чуть подале, выростала из тумана небольшая, но изумительно красивая белая крутояровская церковь. Роман смотрел так, словно это было последнее, что суждено ему увидеть на земле, словно вот-вот сейчас промелькнут мгновенья и разлетится этот чудесный мир, исчезнет навсегда среди мрака Вселенной по непреложной воле Создателя. У Романа перехватило дыхание.

Он смотрел не отрываясь, боясь пропустить что-то.

А внизу перекликались петухи, слышались голоса людей и лай собак, тянулись вверх утренние дымы. За церковью, чуть правей, после быстрых изгибов реки виднелся флигель Красновских. Он, казалось, был совсем рядом — протяни руку, и заскрипит дубовая дверь с медной ручкой, пахнёт сушеными травами, встанет из кресла, блестя очками, Пётр Игнатьич... Сердце Романа оглушительно билось.

Он привстал, хотел было дотянуться взглядом и до дубовой рощи, за которой... но тут рука сама опустилась на плечо Аким, а с полураскрытых губ сорвалось на одном дыхании то радостное, опьяняющее, что срывалось всегда:

— Гони!

И Аким погнал, залихватски посвистывая, крутя кнутом над головой, так что влажный ветер засвистел в ушах, вырвал зонт из рук Романа.